

УДК 781.7(=512.111)

ЧУВАШСКАЯ НАРОДНАЯ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН*

М.Г. Кондратьев

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация
mikh-kondratev@yandex.ru*

Волго-Уральский регион в этнокультурном отношении уникален и для успешного существования и развития требует адекватного отображения в современной науке, в частности, и в этномузыковедении. Чувашская народная музыкально-поэтическая система, рассматриваемая в теоретическом аспекте, позволяет включить в поле зрения региональное пространство, в разных этнических культурах представляющее структурно-типологические свойства, выявляемые у чувашей. В сравнении с ними удобно рассматривать аналогичные системы волжских татар, марийцев, удмуртов. Общих свойств типологического уровня, прослеживаемых в каждой культуре региона, оказывается столь много, и они столь существенны, что появляется основание для переосмысления известного понятия о «пентатонной зоне Поволжья и Приуралья» в понятие об устоявшейся здесь за тысячелетие наднациональной музыкально-поэтической общности, в которую входят этнические (национальные) культуры, разные по происхождению, лингвистической и конфессиональной принадлежности. Аргументация существования этого феномена дает повод использовать категорию музыкальной цивилизации.

Ключевые слова: Волго-Уральский регион, типология, музыкально-поэтические системы чувашей, татар, марийцев, удмуртов, пентатонная зона, музыкальная цивилизация

Территория, на которой проживают современные народы Поволжья – один из крупных регионов на карте современной России. Историческое народоведение рассматривает этот регион в ряду нескольких историко-этнографических областей (ИЭО), образующих этнокультурный ландшафт бывшей Империи и ее преемника Советского Союза, ныне Российской Федерации. Обобщенную схему их расположения мы воспроизводим по исследованию Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» [9, с.110] (рис. 1).

---

* Предлагаемая статья представляет собой фрагмент вступительного очерка к монографии автора «Чувашская музыка в зеркале региональных параллелей. К проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации», находящейся в печати.

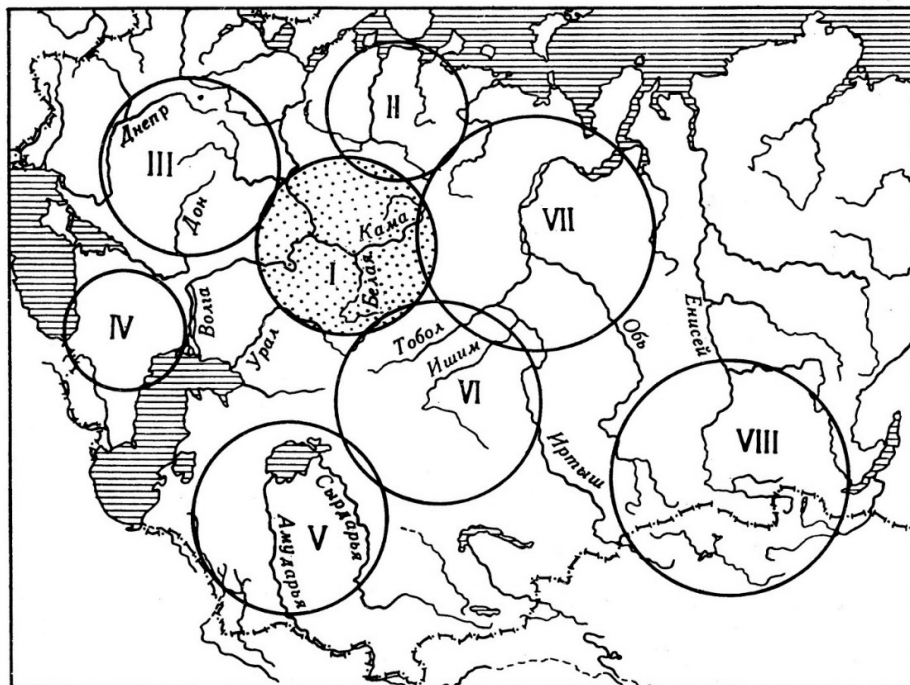

Рис. 1. Историко-этнографические области и провинции в границах России и прилегающих республик бывшего СССР [9, с.110]:

I – Волго-Уральская; II – Беломоро-Печорская; III – Днепро-Волжская;
IV – Северо-Кавказская; V – ИЭО Двуречья; VI – Казахская;
VII – Западносибирская; VIII – Южносибирская

Волго-Уральская ИЭО специфична тысячелетним сосуществованием и культурным взаимодействием крупнейших для России этносов – миллионных и полумиллионных, и исторически структурировалась как многонационально-«инородческая» (плюс к тому и разноконфессиональная) территория. В двадцатом столетии Волго-Уралье выделилось и в политико-административном плане, в виде сосредоточения здесь так называемых автономных советских социалистических республик (рис. 2).

Как и любой российский регион, Волго-Уральский в этнокультурном отношении уникален и для успешного существования и развития требует адекватного познания и отображения в современной науке, в частности, и в этномузыковедении. Этнокультурные и языковые взаимодействия здешних народов продолжаются более тысячелетия. Непосредственные и непрерывающиеся контакты их предков на современных территориях начались примерно с V–VII вв. новой эры. Понятно, что мир региональных музыкально-фольклорных параллелей чрезвычайно многообразен и многопланов, и уровень сегодняшнего знания еще не позволяет дать его пол-

ное и всестороннее описание. В попытках нащупать объективные опорные данные для обобщения уже накопленных этномузыковедением представлений об этом мире для автора своего рода «точкой отсчета» стала чувашская народная музыка, или, точнее сказать, выявленная в ней музыкально-поэтическая система, отличающаяся глубокой структурированностью – с какой бы стороны ее ни рассматривать: по ритмическим, строфическим, ладозвукорядным формам, жанрам, музыкальным диалектам, песенной сюжетике. Все эти аспекты разрабатывались автором, начиная с тезисов, изложенных в статье 1976 г. «К вопросу о типологии чувашской народной музыки» [5], ставшей как бы программой ее изучения, потом в ряде статей и книг разных лет, обобщались в научном докладе «Чувашская народная музыкальная система и ее инонациональные параллели» [6] и, наконец, в монографии «Чувашская музыка: от мифологических времен до становления современного профессионализма» [8].

Рис. 2. Современный административно-территориальный состав Волго-Уральской историко-этнографической области

Свои основные черты чувашская система сохраняет на протяжении больших – исторического (как минимум, более чем тысячелетнего) и географического, практически евразийского, – пространств. Уже в девятнадцатом веке это интуитивно постигали ученые и литераторы, встречав-

шился с культурой чувашей и присматривавшиеся к ее особенностям. В 1920-х гг. чувашский музыкант Ф.П. Павлов, размышляя об истоках родной культуры, в статье «Чараннă сасă» («Умолкнувшие звуки») высказывал предположение, что в современных обычаях содержатся отголоски музыкально-поэтических традиций древних предков [13, с.261]. Правоту его провидения подтверждает анализ исторически ранних этномузыкальных параллелей.

Примером успешных, признанных во всем мире исследований такого рода являются труды этномузыковедов венгерской школы, основы которой заложили выдающиеся музыканты Бела Барток и Золтан Кодай. В статье «Зачем нам нужна чувашская музыка» последний говорит: «Предки чувашского народа, тюркские болгары, жили когда-то в V–VII вв. вместе с венграми к северу от Кавказа. Наш язык до сих пор хранит память об этом в важнейших словах земледелия, скотоводства, общественной жизни. То же можно сказать о нашей музыке... Листая чувашские собрания, мы то и дело находим родственные звучания... Чувашская музыка... не могла сохраниться без изменений на протяжении полутора тысячелетий, но она осталась больше похожей на древнюю» [4, с.275]. Применяя сопоставительный метод с «противоположной» стороны, т. е. рассматривая чувашскую музыку в свете исторических параллелей, отчасти уже открытых в трудах отечественных и зарубежных ученых, мы можем подтвердить интуитивные прозрения прошлого.

Данные письменных источников сравнительного языкознания, этнографии, археологии, как подчеркивают многие исследователи, единогласно свидетельствуют о тысячелетней высокой материальной и духовной культуре тюрко-болгарских предков чувашей. Изучение чувашской музыкально-фольклорной системы приводит к выводу о существовании в ней архаики двух видов и, в частности, о хорошей сохранности пласта высокоцивилизованной архаики. Такие ее существенные свойства как глубокая структурированность и высокая степень рационализации указывают на генетические связи со *вторым стадийным типом* развития музыки, согласно историко-типологической концепции, разработанной отечественным музыковедением [11; 18]. Если в монографии «Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма» результаты своих исследований автор обобщал преимущественно в *историко-хронологическом* плане, реконструируя этапы становления чувашской системы на протяжении примерно двух тысячелетий, то теперь читателю предлагается рассмотреть чувашскую народную музыкально-поэтическую систему в *теоретическом* аспекте, позволяющем включить в поле зрения окружающее региональное пространство, так или иначе в разных этнических культурах представляющее структурно-типологические свойства, выявляемые у чувашей.

Исследование структурных свойств чувашской народной музыкально-поэтической системы позволяет выстроить реальную типологию ее форм

практически без гипотетических допущений и искусственных логических конструкций, выводимых, как правило, статистически. В сравнении с естественной чувашской типологией удобно рассматривать аналогичные системы волжских татар, марийцев, удмуртов. Из близко живущих народов Волго-Уральского региона в эту картину пока не вписаны мордва (эрзя и мокша) и башкиры. Их музыкально-поэтические системы, находясь на окраинах – юго-западной и юго-восточной – Волго-Уральской ИЭО, отстоят от чувашской системы несколько далее не только территориально, но и, в определенной степени, типологически. Обобщенно говоря, если в чувашской, татарской, марийской и удмуртской культурах безусловно господствуют формообразовательные законы *лирической* песенности, то в двух других культурах, наряду с этим, существенную роль играют закономерности *эпических* жанров. Последние же, как принято считать, отличны от лирики не только типологически, но и стадияльно. Сама лирическая песенность также может подчиняться разным структурным закономерностям.

Так, если в поэзии всех четырех рассматриваемых культур большое место занимает, а в определенных пластах, безусловно, доминирует, краткосюжетная образно-параллелистическая композиция, то в мордовской обрядовой поэзии композиционные формы опираются на диалогический, повествовательно-монологический и вариационно-перечислительный принципы. На это указывают исследователи сравнительной поэтики обрядовых песен восточных финно-угров. В то время как «в южноудмуртской и марийской свадебной поэзии... появляется четкая строфичность песен с относительной самостоятельностью частей», в мордовской свадебной поэзии, пишет М.Т. Слесарева, «случаев употребления психологического параллелизма не зафиксировано» [16, с.5–8].

Характерный для песенности народов региона монодический-гетерофонный склад коллективного музицирования в культуре мордвы сближается с подголосочным складом, хорошо изученным в русской песне, и, в сочетании с ангемитонно-пентатонной ладовой системой, выделяется своеобразием, подчеркиваемым в названиях трудов известного музыкального деятеля, композитора и музыковеда Мордовии Г.И. Сураева-Королева «Многоголосная пентатоника – ядро музыкального мышления мордовского народа» и т. п. [17, с.267]. Вопросы музыкального склада мордовской народной музыки разработаны и в исследованиях этномузыковеда Н.И. Бояркина [2; 3]. Сходным образом в мордовской песенности не наблюдается и характерная для всех остальных культур дифференциация композиционных форм на семи-восьмислоговые и многослоговые, что говорит о ее иных историко-культурных взаимодействиях.

Русская культура, широко представленная в Волго-Уральском регионе начиная с XVI в., плотно взаимодействовала с культурами местных народов и, естественно, оставила глубокие следы во всех сферах жизни, в том числе и в их устном творчестве. Музыкально-поэтическая система русского фольклора имеет иную типологическую природу. Ее «несливае-

мость» с культурами региона оговорена в совместном труде этномузыковеда Ласло Викара и филолога Габора Берецки следующим образом: «The third large language-family, the Slav, has left no appreciable trace in the original monophony of Finno-Ugric and Turkic music» [19, с.32] («Третья [в Поволжье] крупная языковая семья, славянская, не оставила ощутимых следов в исходной монодии финно-угорской и тюркской музыки». Опыт исследования культур региона подтверждает обоснованность этого умозаключения: общая для национальных систем местных народов типология форм, жанров, ладоинтонаций, ритмики, сюжетосложения не имеет столь же близких параллелей в русской культуре, имеющей корни в вековых традициях иного – славянского – мира. Соответственно, параллели с ним требуют иных ракурсов анализа.

* * *

Обратим внимание, что сравнительные характеристики народов-соседей естественно проникли в саму народную культуру чувашей – в песенные сюжеты, пословицы, поговорки. Подобные сопоставления не чужды народу, чьи предки неоднократно меняли свое местопребывание и в течение тысячелетий соприкасались с разными культурами, при этом, несмотря ни на какие вызовы истории, сохранившему себя как этнос. Формулируя в афористических строках песни собственное видение картины мира, позиционируя себя в ней, чувашки пели:

Мӑн сул тӑрӑх утмашкӑн
Вырӑс-тутар мар эфир [1, с.211].

*По большим дорогам чтобы ездить
Мы не русские, не татары.*

Налицо констатация, а не оценка (лучше – хуже), не зависть и, тем паче, не осуждение. Может быть даже «самодостаточность»: мы – такие, живем в своем мире, на своей земле, имеем свои занятия. Большой внешний мир нам чужой. В нем хозяйничают те, кто имеет иного рода занятия и власть, может быть, знатность. Среди соседей – это русские и татары. А мы предпочитаем свои занятия. В шуточной гостевой чувашки, не выказывая оценочных суждений, перебирают занятия и привычки народов, с которыми надо сосуществовать:

Вырӑс килет катка сутма,
Илсен-илмесен те – тухса пӑх,
Илсен-илмесен те – хакне ту;
Аяй, тӑван хамӑр[ӑн]нах,
Савсан-савмасан та – хирӗс тух.

Тутар килет пулӑ сутма,
Илсен-илмесен те – тухса пӑх,

Илсен-илмесен те – хакне ту;
Аяй, тӑван хамӑр[ӑн]нах,
Савсан-савмасан та – сӑнс[е] ёҫтер.

Чӑваш килет ҫ[ӑ]пата сутма,
Илсен-илмесен те – тухса пӑх,
Илсен-илмесен те – хакне ту;
Аяй, тӑван хамӑр[ӑн]нах,
Савсан-савмасан та – [ӑ]сатса яр.

*Русский идет кадушкой торговать.
Купишь, не купишь да – посмотри,
Купишь, не купишь да – оцени;
Аяй, родной ты наш,
Любишь, не любишь да – встречай.*

*Татарин идет рыбой торговать.
Купишь, не купишь да – посмотри,
Купишь, не купишь да – оцени;
Аяй, родной ты наш,
Любишь, не любишь да – угощай.*

*Чуваши идет лаптями торговать.
Купишь, не купишь да – посмотри,
Купишь, не купишь да – оцени;
Аяй, родной ты наш,
Любишь, не любишь да – провожай [15, с.111].*

Такие размышления присутствуют и в сюжетах молодежных песен. Перебирая разнонациональных кандидатов в женихи, девушка приводит «резоны» в пользу чуваша:

Атте мана тутара парас тет.
Каймастӑп! Килместӑп!
Эп тутарла пӗлместӑп,
Тутар ачи пул[ӑ] сутать
Эп пул[ӑ] сутма юратмас[тӑ]п.

Атте мана ҫармӑса парас тет.
Каймастӑп! Килместӑп!
Эп ҫармӑсла пӗлместӑп,
Ҫармӑс ачи пуш[ӑ]т сутать,
Эп пуш[ӑ]т сутма юратмаст[ӑ]п.

Аттеманавырăсапарастет.
Каймастăп! Килместĕп!
Эпвырăслапĕлместĕп,
Вырăсачи чей ёсет,
Эп чей ёсмеюратмас[тă]п.

Атте мана чăваша парас тет.
Каятăп! Килетĕп!
Эп чăвашла пĕлетĕп,
Чăваш ачи тыр вырать,
Эп тыр вырма юратап.

*Батюшка меня за татарина выдать хочет.
Не выйду! Не пойду!
Я по-татарски не понимаю,
Татарин-жених рыбой торгует,
Я рыбой торговать не хочу.*

*Батюшка меня за черемиса выдать хочет.
Не выйду! Не пойду!
Я по-черемисски не понимаю,
Черемис-жених лыком торгует,
Я лыком торговать не хочу.*

*Батюшка меня за русского выдать хочет.
Не выйду! Не пойду!
Я по-русски не понимаю,
Русский жених чай пьет,
Я чай пить не хочу.*

*Батюшка меня за чуваша выдать хочет.
Выйду! Пойду!
Я по-чувашски понимаю,
Чуваши-жених хлеб жнет,
А я хлеб жать люблю [14, с.169–170].*

Аналогично и разборчивый жених, выбирая невесту, также выставляет свои требования; между прочим, он, будучи сам чувашом средненизовым (цивильским), отвергает и верховую чувашку-вирьялку:

Тутар хёрне илес терём –
Ай тур-тур! Шăлĕ хура.

Вырăс хёрне илес терём –
Ай тур-тур! Ури çара.

Вирьял хёрне илес терём –
Ай тур-тур! Ури пысак.

*Татарскую невесту выберу, говорил –
Ах, боже мой, у ней зубы черны.*

*Русскую невесту выберу, говорил –
Ах, боже мой, у ней ноги босы.*

*Вирьяльскую невесту выберу, говорил –
Ах, боже мой, у ней ноги [онучи] велики [14, с.136].*

В фольклорных текстах чувашей ментальный конструкт *свой/чужой*, формулируется и откровенно, и достаточно деликатно. Понятно, что в приведенных текстах суждения имеют условно-шуточный характер. Песня – это произведение народного художественного творчества, отображающего бытовые реалии в образной и, соответственно, эстетизированной форме. Кроме того, заметим, что сам факт такого развернутого сопоставления разных культур в фольклорно-песенных сюжетах, являющегося смысловой осью песни, возможно, уникален. На сегодня в публикациях волжско-татарских, марийских, удмуртских, башкирских народных песен обнаружить подобные «межнациональные» сюжеты нам не удалось.

* * *

Такие свойства этнокультурного менталитета вкупе с достаточно изученной структурной типологией музыкально-поэтического фольклора, собственно, и дают нам повод использовать чувашскую народную музыкально-поэтическую систему как исходную основу при изучении общих свойств музыкально-поэтических традиций крупнейших современных народов региона. Чувашская система как бы вобрала в себя ряд существенных общих региональных свойств. Рассматривая татарскую, марийскую, удмуртскую системы, в каждой мы выделяем параллели с чувашской, особо оговаривая отсутствие таковых в том или ином пункте. Таких свойств, прослеживаемых в каждой культуре региона, оказывается столь много, и они столь существенны, что это дает основание для переосмысления известного музыковедам с 1950-х гг. понятия о «пентатонной зоне Поволжья и Приуралья»¹ в понятие об устоявшейся здесь за тысячелетие *наднациональной музыкально-поэтической общности*, в которую входят этнические (национальные) культуры, разные по происхождению, лингвистической и конфессиональной принадлежности. Аргументация существования этого феномена дала

---

¹ Оно вошло в обиход после выступления Н.Г. Жиганова во всесоюзной дискуссии. Материалы опубликованы в журнале: Советская музыка. 1955. № 5. С. 31–32.

нам повод в докладах и публикациях конца 1990-х гг. использовать понятие *музыкальной цивилизации* [7] в значении, которое придает ему современная наука: «Цивилизация выступает как определенная характеристика народов мира и макроединица для их изучения» [10, с.280].

Введение обобщения такого уровня в отечественном этномузыковедении примерно в то же время обсуждалось и на страницах сводного многотомного труда «Музыкальная культура Сибири». Научный редактор издания В.В. Мазекус мотивировал его следующими соображениями: «...Возникает естественный вопрос о вероятном существовании в сибирском регионе диффузных культурных (точнее – музыкально-или интонационно-культурных) союзов, охватывающих, может быть, значительное количество разноэтнических музыкальных традиций. Более того, довольно большое число разного рода совпадений и аналогий, наблюдаемых в музыкальных традициях Северной Азии, позволяет выдвинуть гипотезу о том, что вся эта огромная историко-этнографическая провинция, а, возможно, и некоторые смежные регионы являются областью распространения чрезвычайно диффузного, но, тем не менее, вполне распознаваемого музыкально-культурного союза» [12, с.14]. «Разработка проблемы существования больших музыкально-культурных союзов, или музыкальных метакультур, – завершает свою мысль сибирский ученый, – предполагает, по-видимому, возникновение *новой области этномузыказнания...*» [12, с.15] (выделение – М.К.). Указывая на параллели с проблематикой Волго-Уральского региона, заметим только, что к здешним культурам представления о *диффузности* культур (т. е. преобладании внешних заимствований над развитием собственных основ) вряд ли применимо, ибо, в отличие от культур малочисленных народов Сибири, каждая несопоставима по масштабу и социально-культурной самостоятельности.

Проблематика межнациональных взаимосвязей чрезвычайно многоаспектна, и требует учета большого числа данных о каждой культуре. Не претендуя исчерпать все возможные ракурсы и аспекты сравнительного изучения музыкальных культур Волго-Уралья, попытаемся придать «объемность» общерегиональной картине, дифференцируя в ней общие «поликультурные» явления и «бинарные» параллели, касающиеся отдельных пар культур. Так складывается примерный план ее изучения.

Во-первых, подлежат рассмотрению наиболее общие вопросы этноисторического контекста взаимодействий культур Волго-Уральского региона, классификации музыкально-фольклорных материалов.

Во-вторых, в опоре на разработанные теоретические представления о той или иной существенной составляющей музыкально-поэтических систем следует рассмотреть их *интегрирующие компоненты*, имеющие региональный характер. Таковы ритмосинтаксическая формульность напевов и основные песенные формы (пятыячейковая, четырёхъячейковая, трёхъячейковая).

В-третьих, это афористическая краткосюжетность, свойственная в равной степени песенному фольклору сравниваемых народов.

Условно говоря, направление движения мысли идет преимущественно от постулируемых *общих* представлений о свойствах музыкально-поэтических систем всего региона к их *частным* проявлениям в разных культурах.

В-четвертых, плодотворным является и иной аналитический метод, позволяющий на конкретных примерах рассмотреть *бинарные параллели* в музыкально-поэтическом фольклоре чувашей и татар, чувашей и марийцев, чувашей и удмуртов.

На пути такого исследования есть и другие трудности. Оно должно опираться на источники, представляющие собой большей частью публикации и труды множества авторов, выпущенные местными научными учреждениями и издательствами, как правило, на языках народов региона. В совокупности они доступны лишь единичным специалистам и читателям крупнейших библиотек (например, в Волго-Уральском регионе такова, возможно, только Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета).

Отдельные вопросы сравнительного исследования музыкальных культур Волго-Уральского региона на протяжении более чем трех десятилетий уже докладывались автором в десятках выступлений на конференциях, рассматривались в частных публикациях, выходящих в Чебоксарах, Казани, Астрахани, Йошкар-Оле, Ижевске, Саранске, Москве, Санкт-Петербурге, Таллине, Уфе, Новосибирске, Саратове. Многочисленные отзывы, замечания и вопросы коллег, сопровождавшие их появление, сослужили добрую службу, укрепив убежденность автора в верности направления исканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашмарин Н.И. Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. V т. Шупашкар: издание Народного Комиссариата по просвещению Чувашской АССР, 1930. 420 с.

2. Бояркин Н.И. К проблеме взаимосвязей марийской и мордовской традиционной инструментальной музыки // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1988. С. 69–80.

3. Бояркин Н.И. Мордовская народная музыка: многоголосные инструментальные традиции: Учебное пособие. Ч. 1. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. 140 с.

4. Кодай З. Избранные статьи. М.: Советский композитор, 1982. 288 с.

5. Кондратьев М.Г. К вопросу о типологии чувашской народной музыки // Чувашское искусство. Вып. 70 / ЧНИИ. Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров ЧАССР, 1976. С. 53–73.

6. Кондратьев М.Г. Чувашская народная музыкальная система и ее инонациональные параллели: дисс. ... д-ра искусствовед. М.: Гос. Ин-т искусствознания, 1995. 46 с.

*Кондратьев М.Г. Чувашская народная музыкально-поэтическая система
как региональный феномен*

7. Кондратьев М.Г. К понятию Волго-Уральской музыкальной цивилизации // Теоретические концепции XX века: Итоги и перспективы отечественной музыкальной науки: материалы Всероссийской научной конференции. 14–18 ноября 2000 г. Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория им. М.И. Глинки, 2000. С. 320–329.

8. Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. 288 с.

9. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.

10. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 1. СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. 447 с.

11. Мазель Л.А. О природе и средствах музыки: теоретический очерк. М.: Музыка, 1983. 72 с.

12. Музыкальная культура Сибири. В 3 т. Т.1. Традиционная музыкальная культура народов Сибири. Кн. 1. Традиционная музыкальная культура коренных народов Сибири. Новосибирск: Новосибирская гос. консерватория им. М.И. Глинки, 1997. 407 с.

13. Павлов Ф.П. Собр. соч. в 2-х тт. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 318 с.

14. Парамонов Т.П. Чувашские народные песни. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 368 с.

15. Песни средненизовых чувашей. Сост. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: Чуваш. национальная академия; Чувашский НИИ ЯЛИЭ, 1993. 336 с.

16. Слесарева М.Т. Сравнительная поэтика обрядовых песен восточных финно-угров // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора. Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1986. С. 5–17.

17. Сураев-Королев Г.И. Многоголосная пентатоника – ядро музыкального мышления мордовского народа // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск: НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Мордовской АССР, 1972. С. 267–270.

18. Харлап М.Г. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 221–273.

19. Chuvash Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1979. 579 p.

Сведения об авторе: Кондратьев Михаил Григорьевич – доктор искусствоведения, главный научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Московский просп., 29, корп. I, Чебоксары, Российская Федерация); mikh-kondratev@yandex.ru

CHUVASH PEOPLE'S MUSICAL AND POETIC SYSTEM
AS A REGIONAL PHENOMENON²

M.G. Kondratjev

*Chuvash State Institute of the Humanites
Cheboksary, Russian Federation
mikh-kondratev@yandex.ru*

The Volga-Urals region is unique in ethno-cultural respect and its successful existence and development requires an adequate display in modern science and in ethnomusicology, in particular. The Chuvash folk musical-poetic system, considered in terms of the theoretical aspect, allows including in the field of vision the regional space, which represents structural-typological properties detected among the Chuvash people in different ethnic cultures. In comparison with them, similar systems of the Volga Tatars, Cheremis (Maris), Votjaks (Udmurts) can be conveniently considered. It turns out there are so many general properties of the typological level, traceable in every culture of the region and they are so significant that a case can be made for rethinking the well-known notion of "pentatonic area of the Volga and Urals" into the concept of the musical-poetic supranational community, which had been established here within a thousand of years and includes ethnic (national) cultures, different in origin, language, and religion. Argumentation of the existence of this phenomenon gives cause to use the category of musical civilization.

Keywords: musical civilization, musical and poetic system the Chuvash, Mari, and Udmurts, Tatars, pentatonic area, the Volga-Ural region, typology

REFERENCES

1. Ashmarin N.I. *Chävash sämahësen këneki* [The Chuvash Language Dictionary]. Cheboksary, Edition of the People's Commissariat for Education of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, 1930. 420 p. (In Chuvash and Russian)
2. Bojarkin N.I. K probleme vzaimosvjazej marijskoj i mordovskoj tradicionnoj instrumental'noj muzyki [On the Problem of Interrelations Between the Mari and Mordovian Traditional Instrumental Music]. *Tradicionnoe i sovremennoe v muzyke narodov Povolzh'ja* [Traditional and Modern in the Music of the Peoples of the Volga Region]. Joshkar-Ola, MarNII Publ., 1988, pp. 69–80. (In Russian)
3. Bojarkin N.I. *Mordovskaja narodnaja muzyka: mnogogolosnye instrumental'nye tradicii* [Mordovian Folk Music: Polyphonic Instrumental Tradition]. Chapter 1. Saransk, Mordovian University Publ., 2004. 140 p. (In Russian)
4. Kodaj Z. *Izbrannye stat'i* [Featured Articles]. Moscow, Soviet Composer Publ., 1982. 288 p. (In Russian)
5. Kondrat'ev M.G. *K voprosu o tipologii chuvashskoj narodnoj muzyki. Chuvashskoe iskusstvo* [On the Question of the Typology of Chuvash Music. Chuvash

---

² The proposed article is a fragment of the introductory essay to the author's monograph "Chuvash Music in the Mirror of Regional Parallels. On the Problem of the Volga-Ural Musical Civilization", which is currently in print.

Art]. Issue 70. Cheboksary, NII YALIE at the Council of Ministers of the ChASSR, 1976, pp. 53–73. (In Russian)

6. Kondrat'ev M.G. *Chuvashskaja narodnaja muzykal'naja sistema i ee inonacional'nye paralleli: diss. d-ra iskusstvoved* [The Chuvash Folk Music and its Foreign Parallels. Dr. of Arts sci. diss.]. Moscow, State Institute of Art Studies Publ., 1995. 46 p. (In Russian)

7. Kondrat'ev M.G. K ponjatiju Volgo-Ural'skoj muzykal'noj civilizacii [To the Notion of the Volga-Urals Musical Civilization]. *Teoreticheskie koncepcii XX veka: Itogi i perspektivy otechestvennoj muzykal'noj nauki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. 14–18 nojabrja 2000 g. [Theoretical Concepts of the 20th Century: Results and Perspectives of the Russian Musical Science: Proceedings of the all-Russian Scholarly Conference. November 14–18, 2000]. Novosibirsk, M.I. Glinka Novosibirsk State University. Conservatory Publ., 2000, pp. 320–329. (In Russian)

8. Kondrat'ev M.G. *Chuvashskaja muzyka: Ot mifologicheskikh vremen do stanovlenija sovremennogo professionalizma* [The Chuvash Music: from Mythological Times to the Development of Contemporary Professionalism]. Moscow, PER SE Publ., 2007. 288 p. (In Russian)

9. Kuzeev R.G. *Narody Srednego Povolzh'ja i Juzhnogo Urala: Etnogeneticheskij vzgljad na istoriju* [The Peoples of the Middle Volga and Southern Urals: an Ethnogenetic Look at the History]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 347 p. (In Russian)

10. *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya* [Culturalogy. The twentieth Century. Encyclopedia]. Vol. 1. Saint Petersburg, Universitetskaja kniga Publ.; Aletejja Publ., 1998. 447 p. (In Russian)

11. Mazel' L.A. *O prirode i sredstvax muzyki: teoreticheskij ocherk* [On the Nature and Means of Music: a Theoretical Essay]. Moscow, Muzyka Publ., 1983. 72 p. (In Russian)

12. *Muzykal'naja kul'tura Sibiri. V 3 t. T.1. Tradicionnaja muzykal'naja kul'tura narodov Sibiri. Kn. 1. Tradicionnaja muzykal'naja kul'tura korennyh narodov Sibiri* [The Musical Culture of Siberia. In 3 volumes. Vol. 1. Traditional Musical Culture of the Peoples of Siberia. Book 1. Traditional Musical Culture of the Indigenous Peoples of Siberia]. Novosibirsk, M.I. Glinka Novosibirsk State University. Conservatory Publ., 1997. 407 p. (In Russian)

13. Pavlov F.P. *Sobr. soch. v 2-h tt. T. 2.* [Collected writings in 2 Volumes. Volume 2]. Cheboksary, Chuvash book Publ., 1971. 318 p. (In Chuvash and Russian)

14. Paramonov T.P. *Chuvashskie narodnye pesni* [Chuvash Folk Songs]. Cheboksary, Chuvash State Humanities Institute Publ., 2012. 368 p. (In Chuvash and Russian)

15. *Pesni srednenizovyh chuvashej* [Songs of the Anat Yenchi Chuvash People]. Former by M.G. Kondrat'ev. Cheboksary, Chuvash. National Academy Publ.; Chuvash Research Institute of YLIE, 1993. 336 p. (In Chuvash and Russian)

16. Slesareva M.T. *Sravnitel'naja pojetika obrjadovyh pesen vostochnyh finno-ugrov* [Comparative Poetics of Ritual Songs of the Eastern Finno-Ugrians]. *Problemy tvorcheskikh svjazej udmurtskoj literatury i fol'klora* [The Issues of Creative Links of Udmurt Literature and Folklore]. Ustinov, Research Institute for SM of the UASSR Publ., 1986, pp. 5–17. (In Russian)

17. Suraev-Korolev G.I. *Mnogogolosnaja pentatonika – jadro muzykal'nogo myshlenija mordovskogo naroda* [Polyphonic Pentatonic – the Core of the Mordvin People's Musical Thinking]. *Problemy izuchenija finno-ugorskogo fol'klora* [The Issues

of Researching the Finno-Ugric Folklore]. Saransk, Institute of YLIE at the Council of Ministers of the Mordovian ASSR Publ., 1972, pp. 267–270. (In Russian)

18. Harlap M.G. Narodno-russkaja muzykal'naja sistema i problema proishozhdenija muzyki [Russians' Music System and the Issue of the Origin of Music]. *Rannie formy iskusstva* [Early Forms of Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, pp. 221–273. (In Russian)

19. Chuvash Folksongs by László Vikár and Gábor Bereczki. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1979. 579 p. (In Chuvash and English)

About the author: Mikhail G. Kondratjev is a Doctor of Science (Art History), Chief Research Fellow of the Department of Art History, the Chuvash State Institute of the Humanities (29, block I, Moscow Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); mikh-kondratev@yandex.ru